

— СТРАДИВАРИ, Гварнери, — гордится Европа именами скрипичных мастеров прошлого.

— Батов, Леман, — достойно отвечаем мы, — мастера замечательные, можно сказать, первые.

У нас на Родине скрипка так прижилась, что русским музыкантам и русским сочинениям для скрипки рукоплещет мир.

Но кого мы назовем вслед за Батовым? Где найти достойного преемника? И где русская школа скрипичных мастеров — не старинная, крепостная, а современная, пользующаяся всеми преимуществами полного выбора профессии, занятий по душевной склонности?

П ОИСКИ современной школы русских скрипичных мастеров привели меня на второй этаж консерватории в комнату рядом с тринадцатым классом. Там у распахнутого окна стоял человек и смотрел на свет через резную подставку скрипки (планка, отделяющая струны от верхней деки). Над головой у него в два ряда висели скрипки, по правую руку стоял токарный станок, по левую сидел человек и по всей видимости лудил. За спиной вздымал бока лежащий контрабас, а в окно вместе с солнцем лились звуки волторны.

Звуки создали картину: на опушке леса, под раскидистые дубы, как у немецких художников прошлого столетия, вылетела кавалькада блестящих всадников в камзолах и амозонках. Вероятно, герцог Эстергази охотится...

Запустили станок — и картина развевалась вместе со звуками. Мастер смычковых инструментов Анатолий Семенович Кочергин установил подставку, подтянул колок, попробовал пальцем ноту «ми», покачал головой неодобрительно и опять вытащил подставку...

В мастерской музыкальных инструментов консерватории он ремонтирует скрипки. А после работы он скрипки делает. В позапрошлом месяце его скрипка получила приз на международном конкурсе скрипичных мастеров и была куплена для Польской государственной коллекции. А всего за всю свою рабочую жизнь в свободное от служебных обязанностей время, следуя своей интуиции, а также сведениям, почерпнутым из забытых антикварных книг, он сделал 25 скрипок. Португалец Антонио Капелла, обошедший его на конкурсе, делает в год столько же. Но португальцу время позволяет, а Анатолию

Семеновичу нет. Поэтому сам собой напрашивается вопрос: если бы Кочергину дать время, которым располагает Капелла, какие последствия это имело хотя бы для конкурса в Познани?

Выбор профессии — всегда загадка. А выбор профессии скрипичного мастера — загадка вдвойне.

Жило перед войной семейство на Спиридоновке, достатком не хвасталось. Мать и трое детей. И имело семейство сострадательную соседку, закройщицу какого-то ансамбля песни и пляски. Вот как-то соседка и говорит: «Там в консерватории в хор

старыми деньгами (1946 год) и потом устроили (конечно, в переносном, интеллигентном смысле) драку за право на ней играть.

— Это судьба, — сказал ученику Семен Михайлович. — Тебе, видимо, на роду написано скрипки делать. А вот мне...

Учитель схватил свою скрипку, провел пару раз смычком по струнам и сокрушенно покачал головой. Самоотверженно любил Добров свое дело. Самоотверженно и, увы, безответно.

Конечно же, мастер смычковых инструментов — специальность уникаль-

Зато эти самые часы он проводит над скрипками старинных мастеров, зато он встречается с нашими лучшими музыкантами, профессорами консерватории, прислушивается к их мнению относительно каждого смычкового инструмента.

— Мастер смычковых должен сам быть музыкантом, — высказывает Анатолий Семенович вытуженное и выстраданное убеждение. — И никакое, пусть даже самое тесное содружество с музыкантами не заменит ему собственного, «исполнительского» ощущения.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

ГРЕЗЫ С УЛИЦЫ ГЕРЦЕНА

мальчиков набирают. Давайте вашего сведу».

Свела. Прослушали. Приняли. Только-только Анатолий вместе с товарищами разучил «Девы-красавицы» из «Евгения Онегина» — тут война началась. Надо искать занятие посущественнее.

Опять выступила соседка: «В экспериментальную музыкальную мастерскую сведу вашего. К мастеру смычковых инструментов Доброву Степану Михайловичу».

У Степана Михайловича уже работал ровесник Анатолия, который на вопрос «Как сам-то?» ответил: «Вполне соответствует фамилии!».

Степан Михайлович предпочитал скорости основательность. Ученики его, Николай и Анатолий, сдружились, хотя и соперничали по части освоения мастерства. Степан Михайлович это соперничество осторожно подстегивал, чтобы не в ущерб дружбе.

— Николай подавал больше надежд, — утверждает сейчас Анатолий Семенович, — и не случись с ним несчастья, был бы замечательный мастер.

Так остался у Доброва лишь один преемник его мастерства.

Свое совершеннолетие преемник отменил совершенно самостоятельным изготовлением своей первой скрипки — четвертушки. С трепетом отнес ее в музыкальную школу, помещавшуюся там, где был кинотеатр «Центральный». Ему заплатили 200 рублей

на. И тем не менее, возвратившись из армии (где он водил бензовоз), Кочергин в той же самой мастерской скрипками заниматься уже не мог, все вакансии были заняты. Поэтому переключился на щипковые: домбры и балалайки.

Но любимый инструмент не забросил, занимался им после работы, купив по случаю подходящее выдержанное дерево. Кроме того, интересовался книгами. Как-то, роясь на книжной полке букиниста, обнаружил чрезвычайно для него ценную находку: книгу без обложки — А. Леман. «Очерки о смычковых инструментах».

— Интересный был человек, — отзывается о нем Анатолий Семенович почти с теми же интонациями, что и о Доброве, — храбрый офицер. Он весь свой досуг посвятил нашему делу. С ним можно спорить, даже ловить на ошибках, но его книга не только дает солидные знания — она заставляет мыслить дальше, указывает тебе самостоятельный путь. А это во всяком мастерстве — главное.

Все же окончательно утвердился Анатолий Семенович в малочисленной когорте мастеров смычковых инструментов, когда устроился в мастерскую консерватории.

Вроде бы еще меньше времени оталось на работу «для себя»: хозяйство у консерватории огромное, ремонт и профилактика смычковых требуются постоянно, и часов, отведенных на это, явно не хватает.

Сам он, пробуя звучание своей новой скрипки, что называется, «импровизирует». (Потому что в свое время обстоятельства позволили доучиться лишь до второго класса музыкальной школы, как раз до скрипичного концерта Ридинга). Кроме того, дочь Елена и сын Костя, учащиеся Центральной музыкальной школы при консерватории, чем могут отцу помогают, испытывают его продукцию.

Современные мастера скрипок — люди интересные. У большинства из них есть другая профессия. Но какая-то случайность столкнула человека, и он «нашел себя». Главное, что пропасть людей сталкивается с инструментом в совершенно похожих обстоятельствах, и ничего — люди шли себе дальше, занимались своими делами. Но какие-то единицы заболели навязчивой идеей сделать «свою скрипку».

Анатолий Семенович снял две скрипки из висящего у него над головой ряда: одну итальянскую, довольно старую, другую сделанную современным «страдателем».

— Посмотрите, как выполнен завиток, как изящна раковина, как легко и точно вырезана эфа! А нижняя дека так выделана, что каждое волоконце играет, живет!

Вы правильно поняли: все это относилось к первому и никоим образом не ко второму инструменту.

Г ДЕ же взять мастеров-музыкантов? Как выйти из-под власти слепого случая, заведующего кадрами, мастеров смычковых инструментов?

— Нужен техник, — утверждает Анатолий Семенович. — Чтобы отделить «избранных» от «званных», пусть будут конкурсные экзамены. Ученики техникума должны пройти курс музыкальной школы по классу инструмента, созданию которого они намерены посвятить себя в дальнейшем. И конечно же, овладеть всеми навыками и приемами ремесла.

А было возразил Анатолию Семеновичу, что те же самые скрипки делают у нас на фабриках (например, в том же объединении «Лира»), что делают их люди без техникума, без специального и даже без среднего образования, что в музыкальных школах...

Анатолий Семенович поглядел на меня мрачно, как бы хотел сказать: «И этот ничего не понимает, и никто в нашем деле ничего не понимает! И появится ли когда-нибудь человек, который хотя сколько-нибудь может понять в нашем деле, хотя каплю ему сочувствовать?!».

Я слушал Кочергина и обозревал мысленно огромную армию выпускников музыкальных школ, так добросовестно забывших и забросивших все, чему их учили. Может, среди них и нет Аматти и Страдивари. Но какой резерв для построенного в мечтах мастера техникума!

Кочергин сам с удовольствием пошел бы в этот техникум преподавать практику. Пошел бы, невзирая на то, что еще меньше останется времени на любимое дело. Ему есть что передать ученикам. Кроме того, что он вынес из экспериментальной мастерской, что перенял от своего учителя, что заимствовал и переосмыслил из старых книг, он ведь еще целый год проучился в Париже у знаменитого на весь мир мастера Этьена Ватло. По десять часов в день работал Анатолий Семенович в мастерской Ватло рядом с немцем, французом, японцем, испанцем. Его соперник по Познанскому конкурсу португалец Антонио Капелла тоже учился у Ватло. За весь год пребывания во Франции Кочергин при такой занятости смог основательно изучить лишь улицу Призандри, где располагается мастерская, да еще соседнюю Мадридскую, где находится консерватория. Когда он из Франции привез семейству подарки, не было предела разочарованию: никому не угодил. Да и как было угодить, когда

все внимание захватили своды, деки, соотношения расстояния подставки и дужки, рецепты грунтовки и покрытия...

— Старые дома сейчас сжигают, — возмущается Анатолий Семенович, — горят выдержанные старые еловые балки, которым цены нет...

Он показал кусок такой «выдержанной» балки, которая пойдет на верхнюю деку и которую он буквально вытащил из-под бульдозера. Надо же, этот кусок звонкого дерева прикрывал чей-то семейный уют из поколения в поколение. Чьи-то курявые дети разучивали гаммы, Моцарта и Гайдна. Люди радовались, страдали, смеялись, плакали, сердились, а балка все это слушала и копила живые звуки. Так и погиб бы с ней весь этот живой капитал, не попади она в руки мастера, а потом в руки музыканта!

Н О до обидного мало времени отпущено мастеру. Наверняка в этот момент он трогает струну инструмента, ударит по столу камертоном и, чуть не прижимая его к уху, старается выделить из общей какофонии, в которой тонет консерватория, издаваемый им звук. В самом разгаре так называемой очередной работы заявляется кто-нибудь из знакомых музыкантов либо со срочным ремонтом («Вот так до зарезу, сегодня в шесть запись»), либо продемонстрировать какое-то свое новое приобретение, либо зазвать к себе на концерт, либо одного общения ради.

Аспирантка из Познани Анна Стжалковска прибежала накануне экзамена со скрипкой и с тощим учебником эстетики. Они вместе склонились над верстаком. После нее зашел Игорь Ойстрах вместе поторжествовать по поводу, имеющему значение лишь для них двоих. В Австрии скрипач купил смычок «старый, вот как у Соболевского».

— Я вас поздравляю. Впервые вижу скрипичный смычок Нюрнберге-ра.

— Посмотрите, колодочка напоминает Сартори...

Восторги, доступные посвященным...

А за окном чирикали воробы и охотился Эстергази. И по улице Герцена вниз и вверх бежали в толпе будущие слушатели созданного в мечтах Кочергина техникума мастеров музыкальных инструментов, и среди них, может быть, какой-нибудь наш современный Страдивари.

П. ПЭНЭЖКО.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ
Г. МОСКВА
19 8 1111 1979